

10. Марков Е. В. Очерки Крыма. СПб.; М., 1902.
11. Февчук Л. П. Личные вещи Пушкина. Л., 1970.
12. Голстой А. К. Крымские очерки. Собр. соч. Т. 1. М., 1963.
13. Harkavy A., Strack H. L. Catalog der Hebraischen Bibelhandschriften in der Kaiserlichen Bibliothek St-Petersburg. St. Pet., 1875.
14. Отчет Имп. Публичной библиотеки за 1858 г. СПб., 1859.
15. Артамопов М. И. История хазар. Л., 1962.
16. Старкова К. Б. Рукописи коллекции Фирковича Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина // Письменные памятники Востока, 1970. М., 1974.
17. Повесть временных лет. Ч. 1. М.—Л., 1950.
18. Хвольсон Д. А. 18 еврейских надгробных памятников из Крыма. СПб., 1866.
19. Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII в. до конца X в.). СПб., 1870.
20. Крачковский И. Ю. Избранные произведения. Т. 5. М.—Л., 1958.
21. Harkavy A. Altjüdische Denkmäler aus der Krim, mitgetheilt von Abram Firkowitsch.—Memories de l'Academie Imperiale des sciences de St.—Petersburg, VII serie, T. XXIV, № 1. St. Pet., 1876.
22. Куник А. А. Тохтамыш и Фиркович. СПб., 1876.
23. Хвольсон Д. А. Сборник еврейских надписей, содержащий надгробные надписи из Крыма и надгробные надписи из иных мест, выполненные древнееврейским квадратным шрифтом, также и образцы шрифтов от IX—XV столетия. СПб., 1884.
24. Кокорцев П. К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932.
25. Дойель Л. Завещанное временем. М., Наука, 1980.
26. Гаркави А. Я. По поводу известия Авраама Керчонского о посольстве Св. Владимира к хазарам. СПб., 1876.
27. Бабаликашвили Н. И. О нескольких еврейскоязычных караимских эпиграфических памятниках из Чуфут-Кале // Семитологические штудии. Тбилиси, 1987. Т. III.

С. А. СЕКИРИНСКИЙ, Д. С. СЕКИРИНСКИЙ

АГРАРНЫЙ СТРОЙ КРЫМСКИХ ТАТАР В XVI—XVIII вв.

Литература по истории Крымского ханства немногочисленна. Первой попыткой обзора истории и экономики Крымского ханства является работа немецкого ученого Тунманна «Крымское ханство», опубликованная в 1784 г. Бюшингом, известным издателем целой серии книг, посвященных описанию жизни отдельных народов и стран.

В книге Тунманна содержится цельный очерк истории Крымского ханства. Однако в ней встречается немало неточностей и просто фактических ошибок, которые можно объяснить уровнем знаний того времени и объемом источников, которыми располагал автор. Работа Тунманна — это своего рода сводка того, что было известно о Крыме в конце XVIII в. западноевропейским исследователям. Ученый собрал все доступные для него письменные источники о Крымском ханстве и, видимо, воспользовался устными сообщениями очевидцев, побывавших в Крыму незадолго до ликвидации ханства. Впервые в русском переводе труд Тунманна появился в 1936 г. в серии «История народов Крыма» (1).

Известным вкладом в изучение социально-экономической истории Крымского ханства

для своего времени был также труд Ф. Хартаха «Исторические судьбы крымских татар», опубликованный более ста лет назад в «Вестнике Европы» (2).

Очень серьезными исследованиями, основанными главным образом на восточных источниках, являются две работы В. Д. Смирнова о Крымском ханстве, изданные в 80-х гг. прошлого столетия. Но в них освещается только политическая история ханства и почти не затрагивается социально-экономическая (3, 4).

Первой попыткой в дореволюционной историографии изучения социально-экономического строя Крымского ханства и в особенности аграрных отношений в Крыму было исследование крымского историка Ф. Ф. Лашкова, опубликованное в конце XIX в. в «Известиях Таврической ученой архивной комиссии» (5—9).

В работах советских историков Крымскому ханству вообще и его экономике в частности уделялось немало внимания.

Одной из первых работ, посвященных анализу социально-экономической структуры Крымского ханства, является популярный очерк В. А. Вишневского «Феодализм в

Крымском ханстве», изданный Коммунистическим университетом трудящихся Востока в 1930 г. (10). Это учебное пособие, не претендующее на самостоятельное исследование проблемы, создано не без воздействия распространенной тогда среди историков концепции торгового капитала.

История Крымского ханства, преимущественно в его социально-экономическом аспекте, привлекала внимание выдающегося советского историка С. В. Бахрушина. Его перу принадлежит большая статья о Крымском ханстве, написанная по заказу журнала «История в школе» в 1936 г. Эта работа С. В. Бахрушина, как и все остальные его труды, основана на широком привлечении разнообразных источников и по своему значению выходит далеко за пределы простого научно-популярного очерка (11).

Внутренней истории Крымского ханства посвящена также работа В. Сыроечковского «Мухамед-Герай и его вассалы» (12).

Некоторые вопросы социально-экономического развития Крымского ханства исследуются в монографии А. Новосельского, посвященной борьбе Московского государства с татарами в первой половине XVII в. Автор справедливо замечает, что скудность сохранившихся до нашего времени источников, касающихся истории Крыма, такова, что изучение ее от ранних до новейших исследований мало продвинулось вперед. И все же, стремясь выяснить социальные корни агрессивности такого небольшого государственного образования, А. А. Новосельский сделал некоторые наблюдения по социально-экономической жизни Крымского ханства, которые представляются нам весьма ценными и плодотворными (13).

В той или иной степени история Крымского ханства (главным образом история его внешней политики) была затронута в монографиях Н. А. Смирнова (14), К. В. Базилевич (15), И. Б. Грекова (16).

Попытку суммировать накопленный материал по внутренней и внешней истории Крымского ханства сделал в своей книге по истории средневекового Крыма А. Л. Яковсон (17). В 1987 г. вышла в свет работа Т. А. Савина, где поднимаются некоторые проблемы аграрной истории этого государства в XVII в. (18).

Такова наиболее известная литература, в которой в той или иной степени освещается аграрная история Крымского ханства.

Крымское ханство как самостоятельное государство образовалось в результате распада Золотой Орды в первой половине XV в. Но уже вскоре после захвата турками генуэзских колоний на побережье Крыма и падения Мангупского княжества (1475 г.) оно потеряло свою независимость и превратилось в вассала Османской империи.

О состоянии производительных сил и характере общественных отношений в Крымском ханстве в XVI—XVIII вв. мы можем судить, во-первых, на основании сведений путешественников и иностранных дипломатов, побывавших в Крыму в разные периоды, и, во-вторых, благодаря юридическим документам, которые составлялись в ханстве по разным случаям. В научный оборот указанные документы вошли по инициативе Ф. Ф. Лапшова, организовавшего их перевод на русский язык и публикацию в «Известиях Таврической ученой архивной комиссии» (19—23).

Судя по материалам иностранных авторов, главным занятием татар в момент их появления в Крыму было кочевое скотоводство, которое сохраняло свою роль и в последующие века. Писатели XVI, XVII и даже XVIII вв. оставили нам ряд свидетельств, которые говорят о преобладании у татар степной части полуострова именно этой отрасли хозяйства.

«Жизнь татар,— говорит автор XVI в. Михаил Литвин.—...первобытная, пастушеская... они не имеют ни изгородей, ни домов, только передвижные палатки из прутьев и камыша, покрытые толстым войлоком и снабженные рогожками и циновками... Землю, даже самую плодородную, они не обрабатывают, довольствуясь тем, что она сама приносит, т. е. травой, служащую кормом для скота» (24, с. 14).

«Татары,— писал С. Герберштейн (1549 г.),— не остаются долго на одном месте... Стравив пастбища в одном месте, они переселяются в другое со стадами, женами и детьми, которых везут с собой на повозках» (25, с. 144).

Посол польского короля Мартин Броневский, лично побывавший в 70-х гг. XVI в. в Крыму, отмечает, что «...хотя почва их (татар.— С. С.) очень плодородна, однако немного занимаются земледелием и хлебопашеством; большая часть (татар) не обрабатывает полей и не сеет хлеба» (26, с. 356).

Доминиканский монах Жан де-Люк, живший в Крыму в первой половине XVII в., говорит, что «...перекопские татары едят мало хлеба, но много мяса, в особенности лошадиного» (27, с. 477—478).

Дортелли Д'Асколи, живший в Кафе в это время, указывает, что татары «...не сеют, не жнут, но питаются полусырым мясом, преимущественно кониной и пьют кобылье молоко» (28, с. 130).

Французский консул Пейсонель, проживавший в Крыму в середине XVIII в., отмечает, что у степных татар позором считается обрабатывать для себя землю. Добро их заключается в стадах рогатого скота, лошадях и рабах.

Русский путешественник и ученый В. Ф. Зуев, посетивший Крым незадолго до его присоединения к России, указывает на «несклонность» крымских татар к земледелию и объясняет этим то обстоятельство, почему «...в сем краю Крыма хлебопашество до сих пор не заводилось и завести трудно» (29, с. 125—126).

Скотоводство у татар носило довольно примитивный характер. «Скот и лошади даже зимой пасутся под открытым небом; если они,— говорит Михаил Литвин,— переломленные работой, исхудалые и истощенные, отпускаются на пастбище, то откармливаются пушистою травой, добытою из-под снега ударами копыт» (24, с. 125—126).

Примитивное скотоводство требовало постоянной перемены мест для пастбищ скота. Поэтому еще в XVI в. большая часть крымских татар вела кочевой образ жизни. Зимой они ютились в хижинах, сделанных из прутьев, обмазанных глиной или грязью и навозом и крытых камышом, «...но в апреле, забрав женщип, детей, челядь и рабов и круглые войлочные кибитки, направлялись к Перекопу и за Перекоп» (11, с. 30—31).

Преобладание кочевого скотоводства у большинства татарского населения Крыма не означало полного отсутствия земледелия. Скотоводческое хозяйство татар в силу его примитивности не в состоянии было их прокормить. Поэтому оно дополнялось кочевым земледелием, которое, по мнению А. Л. Якобсона, сочеталось с кочевым образом жизни и не нарушало его.

Татары распахивали в степи определенные участки, сеяли там хлеб, затем уходили кочевать и возвращались для уборки урожая (17, с. 134).

По мнению С. В. Бахрушина, земледелие стало развиваться у татар только в XVI в. и долгое время ограничивалось посевом быстро созревающего ячменя (14, с. 29).

А. А. Новосельский считал, что земледелие внедрялось среди татар поразительно медленно (13, с. 417). Он пришел к выводу, что «...выход из хозяйственных затруднений татары находили не в развитии производительных сил, к чему природные условия предоставляли полную и широкую возможность, а в отыскании сторонних источников средств, какими сделались для них беспрерывные войны с соседями и получение с них принудительных платежей. Эти статьи дохода вошли в качестве органической части в состав средств, поддерживающих существование Крымского населения» (13, с. 417—418).

Эта мысль ученого в известной степени подтверждается источниками. Михаил Литвин, описывая вооружение татар, указывает, что «...щитов, копий и другого оружия подобного рода они совсем не знают... зато никто из них не отправляется (в поход) без нескольких свежих ремней, особенно, если набег направляется в наши страны (имеется в виду Украина, Литва и Польша), тогда они больше заботятся о средствах вязания нас, нежели об оружии для собственной защиты» (24, с. 11).

Дортелли Д'Асколи, наблюдавший военный быт татар в первой половине XVII в., указывает, что «властители Татарики имели обыкновение итти воевать дважды в год или по крайней мере один раз, подобные предприятия следовало бы скорее назвать разбоем, чем войной. Идя на войну, татары придерживались следующего обычая: каждый всадник берет с собой по крайней мере двух коней, одного ведет на поводу для поклажи и пленных, на другом едет сам...» (28, с. 123).

Большая часть пленников, захваченных во время татарских походов в русские, украинские и польские земли, шла на продажу. Все писатели XVI—XVIII вв. отмечают необычайно большое развитие у татар работорговли.

«Все их рыпки и гавани,— писал Михаил Литвин,— славятся этим товаром, который находился у них и для себя, и для продажи, и для залога, и для подарков: ...Каждый из них, хотя бы простой всадник, даже если не имеет налечных рабов, то предполагая, что он всегда имеет возможность до-

быть известное их количество, обязывается по контракту любому из своих кредиторов отсчитать в определенный срок в уплату за оружие, одежду или коней условленное количество людей нашей крови. И подобного рода обещания их исполняются точно, как если бы они на скотных дворах имели постоянный запас наших пленников» (24, с. 18—19).

Уже известный нам Пейсонель свидетельствует о том, что торговля рабами в Крыму в XVIII в. была очень значительная.

В нашей литературе не раз высказывалась мысль о том, что, несмотря на некоторое развитие земледелия, кочевое скотоводство оставалось основным занятием татарского населения за все время существования Крымского ханства. Это положение встречается в работе В. А. Вишневого (10). Примерно таких же взглядов придерживаются А. А. Новосельский (13, с. 417) и А. Л. Якобсон (17, с. 133).

Нам кажется, что эта концепция не согласуется с теми довольно многочисленными фактами, которыми располагает исследователь социально-экономической истории Крымского ханства. При ответе на этот вопрос следует прежде всего помнить, что в состав этого государства, кроме собственно Крыма, входила большая территория между низовьями Днепра и Дона и степи между Доном и Кубанью. На территории Крыма проживали крымские или, как их называют источники, перекопские татары, а за пределами Крыма кочевали ногаи.

При рассмотрении истории развития сельского хозяйства в Крымском ханстве следует четко различать характер сельского хозяйства на Крымском полуострове и за пределами Крыма. Нам представляется, что в этом вопросе ближе всего к истине стоял С. В. Бахрушин, который считал, что в XVIII в. собственно крымские татары уже перешли к оседлому земледелию, а погайцы оставались номадами, кочевавшими к северу от Перекопского перешейка (14, 31).

О широком распространении в XVII—XVIII вв. у крымских татар оседлого земледелия говорят различные прямые и косвенные свидетельства. Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что в завещаниях имущества состоятельных татар, дошедших до нас с XVII и XVIII вв., среди прочих видов имущества часто фигурируют пахотные земли, фруктовые сады и мельни-

цы. Так, например, в описи недвижимого имущества некоего Ахмет-аги, умершего в 1681 г., упоминаются хлебопахотные земли, фруктовые сады, земли для посева льна и мельница.

В описи недвижимого имущества некоего Девлетши-мурзы, умершего в 1706 г., называются фруктовые сады, мельница о двух поставах (жернова) и место, предназначенное для сооружения мельницы.

Пахотные земли, виноградник и фруктовый сад, две мельницы о трех поставах, мельничный очаг фигурируют в завещании Мустафы-аги, умершего в 1708 г. В описи имущества Аджи-Али-аги, скончавшегося в 1747 г., называется мельница о трех поставах и пахотные земли, оцененные в определенную сумму.

В описи недвижимого имущества Сеид Газа-аги, умершего в 1718 г., называется мельница о четырех поставах, хлебопахотные земли, сад, виноградник, а в описи Муртазы-бея — мельница о четырех поставах и значительное количество участков земли, судя по всему предназначенных для пахоты. В имуществе Ислям-Аги, умершего в 1777 г., неоднократно перечисляются фруктовые сады, хлебопахотные земли и мельница.

В описи Айше-Бике, умершей в 1772 г., тоже несколько раз упомянуты хлебопахотные земли определенных размеров и оцененные в определенную сумму. В числе имущества Махмуда-паши были хлебопахотные земли, соответствующим образом оцененные.

Упоминания о хлебопахотных землях встречаются также в актах о продаже и дарении земли (19, № 24, с. 126—137).

О развитии в Крыму земледелия очень четко говорит и Тузмани, который пишет: «...крымцы культивируют сами и при помощи невольников почти все сорта хлебов, главным образом же пшеницу, ячмень и просо, особенно крупнозернистое, красное и желтое, а также немного ржи, овса... и чечевицы» (1, с. 25).

Тот же Тузмани указывает: «...они (татары) живут все, исключая некоторых погайцев, недавно переведенных в Крым, оседло, в домах, деревнях и городах. Они занимаются хлебопашеством, виноградарством и садоводством, хотя еще не с должным успехом» (1, с. 25).

О значении развития в Крыму в конце XVIII в. земледелия говорят и данные так называемого «Камерального описания Кры-

ма», составленного в 1784 г. сразу же после ликвидации Крымского ханства. В перечне доходов Крымского хана за период с 1777 по 1783 г. называется доход от продажи за границу десятинного хлеба, т. е. одной десятой урожая, которую хан собирал натурой со своих подданных. Составители «Камерального описания» считают, что он ежегодно получал от них от 12 000 до 40 000 четвертой (30, № 2, с. 30)*.

Простые подсчеты показывают, что ежегодный сбор хлебов в Крыму в конце XVIII в. колебался от 120 000 до 400 000 четвертей. Это, конечно, немалая цифра. Пейсонель говорит, что из крымских портов ежегодно отходило от 100 до 150 кораблей, груженых хлебом для Турции (20, с. 165).

В Кефинском (Кафинском) таможенном тарифе говорится, что следует брать с казенных судов, прибывших из Стамбула для покупки хлеба (30, № 4, с. 44).

О переходе к оседлому образу жизни большинства населения Крыма говорят, наконец, данные о количестве деревень в каймаканствах (уездах) Крымского полуострова, приводимые в «Камеральном описании». Из этого источника следует, что в момент присоединения Крыма к России в Бахчисарайском каймаканстве насчитывалось 293 деревни, в Акмечетском — 242 деревни, в Карасубазарском — 312 деревень, в Козловском (Гезлевском) — 195 деревень, в Кефинском — 200 деревень, Перекопском — 169 деревень. Таким образом, только на территории Крымского полуострова в конце XVIII в. насчитывалось 1411 деревень. При этом обращает на себя внимание тот факт, что значительное количество их встречается не только в прибрежных и горных районах Крыма, но и в степном Крыму. Этот факт — также свидетельство широкого распространения оседлости среди крымских татар (32, с. 37—38).

Кроме хлебопашества, в Крыму в XVIII в. известное развитие получили садоводство и виноградарство. Об этом говорят приводимые нами записания состоятельных землевладельцев, об этом свидетельствуют авторы XVIII в. Уже цитируемый нами Тунмани писал: «...яблони, груши, сливы, вишни, ай-

ва, ореховые деревья растут везде в изобилии, несмотря на то, что фруктовым деревьям уделяется мало внимания или никакого ухода». Он уже говорит о производстве в Крыму вина, имеющего сходство с венгерским (1, с. 19).

В перечне доходов крымского хана, приводимого в «Камеральном описании», называются и доходы с пчел и садов (30, № 2, 31).

В Перекопском и Арабатском таможенном тарифе в числе товаров, вывозимых из Крыма в Россию, есть виноградное вино (31, с. 46).

Однако, как свидетельствуют различные источники, садоводством и виноградарством в Крыму занимались главным образом не татары, а греки и армяне. И не случайно, что после выселения из Крыма христианского населения в 1778 г. эти отрасли сельского хозяйства пришли в упадок.

Наряду с известным развитием земледелия в Крыму в XVIII в. продолжало играть значительную роль скотоводство. «У них (крымских татар), — пишет Тунманн, — большие стада скота и овец, среди которых замечательны курдючные овцы. У них имеются двугорбые верблюды и много лошадей не очень красивых, но быстрых, сильных и выносливых» (1, с. 5). В тарифе Кефинской таможни в числе товаров, вывозимых из Крыма, называются сырая кожа, овечья шерсть, сафьяны, мешина, овечьи шкуры (23). В Перекопском и Арабатском таможенном тарифе среди товаров, вывозимых из Крыма, в первую очередь называются сырые кожи, шерсть, сафьян, мешина, овчинные шубы, серые и черные смушки (31, с. 46).

На распространение в Крыму овцеводства указывает правило, по которому крымские жители, выгонявшие овец весной «для корму» за Перекоп, а осенью возвращавшие их на полуостров, освобождались от уплаты таможенных сборов. Исключение делалось только для баранов, за которых хозяин должен был вносить в Перекопскую таможню соответствующую плату (31, с. 47).

О значительном развитии в Крыму животноводства в XVIII в., наконец, говорит и тот факт, что сбор с рогатого скота и овец составлял важную часть доходов крымского хана (25 000 руб. ежегодно). Пейсонель отмечал: «...здесь исключительные пастбища, на которых пасутся неисчислимые стада животных, дающих шерсть, масло, кожу, которые составляют главную статью Крымской торговли».

* Если те или иные материалы помещены в нескольких томах того или иного сборника (например, ИТУАК), то в тексте указывается, кроме порядкового номера библиографической ссылки, номер сборника, а потом уже страница.

Однако если крымские татары, судя по всему, в XVIII в. уже в значительной своей массе перешли к оседлому образу жизни и земледелие приобрело у них большую роль, то ногайские татары, жившие за Перекопом, продолжали еще оставаться кочевниками-скотоводами.

Нам представляется, что большинство иностранных путешественников и дипломатов, писавших о занятиях татар, смешивали крымских татар с ногайцами (ногаями).

Кочевниками-скотоводами ногайцы оставались еще немалое время и после присоединения Крыма к России, и царское правительство в первой половине XIX в. предпринимало попытки заставить их перейти к оседлому образу жизни (33, с. 1—4).

По мере распространения у татарского населения Крыма земледелия и постепенного перехода к оседлости, у крымских татар оформляется сельская община. Первый исследователь истории сельской татарской общины в Крымском ханстве Ф. Ф. Лашков полагал, что татарский джемаат (община) появился в результате простого приспособления социального строя кочевников к условиям оседлого земледелия. Ф. Ф. Лашков, с нашей точки зрения, преувеличил и роль ислама в развитии в Крыму различных форм землевладения, считая, что все формы земельной собственности в Крымском ханстве развились под непосредственным влиянием ислама и что истоки любой земельной собственности в Крыму надо искать в шариате (6, с. 44). А. Л. Якобсон считал, что, осваивая южные районы Крыма, занятые христианским населением, и селясь рядом с ним, татары испытали сильное влияние коренных жителей Крыма.

Они застали сельскую общину на месте и относительно скоро усвоили ее организацию, развив те черты, которые были важны для скотоводческого хозяйства (17, с. 138).

Сельская община (джемаат) признавалась центральной властью как первичная общественно-экономическая и, в известной мере, административная единица ханства (7, с. 99).

Земля общины считалась общей собственностью всех ее членов. Это хорошо прослеживается в судебных решениях XVII—XVIII вв. Община выступала на суде в качестве юридического лица, т. е. в качестве истца, ответчика, свидетеля, продавца и покупателя (21, с. 82—125).

Общинная земля ценилась в первую очередь как выгон, который, как видно из источников, был нередко собственностью по одной, а нескольких общин. В споре между джемаатами деревень Актаци, Топчи, Джангир, Терихафис, с одной стороны, и деревней Арамкой, с другой стороны, относительно земли, известной под названием «Карадаг» (1679 г.), указывается, что эта земля является общим выгоном указанных деревень (21, с. 108—110).

В споре между джемаатами деревень Кочкар-Аджи, Ботанай, Махме-Али-Бек, Диван-Эли, Ак-шейх-Джегангар Аджикой и деревней Дуванкой, что соответствующая земля (в судебном решении определяется ее граница) была в течение более ста лет общей собственностью вышеуказанных деревень и использовалась общинниками как выгоны для скота, а лес на ней для сруба (21, № 24, 120—122).

В общей собственности общины находились не только выгоны, но и сенокосы. Из того же решения от 1679 г. относительно земли «Карадаг» выясняется, что земля эта использовалась и под сенокосы. Ф. Ф. Лашков, основываясь на личных наблюдениях за порядком в татарской общине второй половины XIX в., пришел к заключению, что в каких определенных правил пользования сенокосами не существовало — каждый член общины косил там, где ему хотелось (7, с. 105).

Однако это распространялось не на все, а только на степные сенокосы. Что касается лугового сенокоса, то Ф. Ф. Лашков обратил внимание на то, что в отдельных актах XVIII в. предусматривается передача по наследству пая (7, с. 105—106).

В общей собственности сельской общины находились и пахотные земли. Существование этого принципа прослеживается по судебным решениям XVII—XVIII вв. Монайская община жаловалась в суд, что Аеский джемаат захватил у нее часть общинной земли и вспахал ее (1668—1671 гг.). Суд восстановил право владения и вернул захваченную землю истцу (21, с. 99).

Существование общей собственности на пахотные земли подтверждает судебное решение по поводу спора о земле общины деревни Насыр (1665 г.) и общины деревни Огуз-Тенин, где прямо говорится, что ранее обе общины сначала сообща владели хлебопахотной землей, а затем разделили ее на две части (21, с. 95—96).

Ф. Ф. Лашков полагал, что никакого твердого порядка не существовало и в пользовании пахотной землей для членов общины. Если пахота оставалась свободной от выгона или сенокоса, то каждый из общинников занимал ее в пужной для себя мере. Проведенная им на занятом участке борозда устанавливала право пользования того, кто рещался «приложить свою руку, чтобы оживить мертвую природу» (7, с. 106).

Наряду с захватным способом в татарской сельской общине возникает и другая более определенная форма пользования общинной пахотной землей — паевая система. Ее суть состоит в том, что вся пахотная земля делилась на пай и каждый общинник получал в пользование определенный участок (8, с. 107—108).

Рост производительных сил в сельском хозяйстве и индивидуализация процесса производства подготовили почву для появления и укрепления частной собственности на землю в сельской общине.

Об этом можно судить по источникам XVII—XVIII вв. Земля стала предметом купли, продажи, дарения, завещания. В 1609 г. пекий Караман Чоры продал Сияшь Аге хлебопахотную землю, состоящую при деревне Карагач в количестве 55 занов*.

В 1612 г. житель деревни Урлюк Эвмер, сын Дутый Аджия, явился в суд и заявил, что его старший шурия Отеш продал некоему Амет Аджию участок земли за 48 овец (21, с. 84—85).

В 1613 г. житель деревни Джан Акмас Эмельдеш Болек, сын Чопная, подарил пай хлебопахотной земли и пастбищной земли с колодезным колодезем некоему Али-паше. При более внимательном чтении этого документа оказывается, что дарение было не чем иным, как своеобразной формой продажи земли, ибо Али-паша в свою очередь дал владельцу земли в вознаграждение 25 штук овец с ягнятами. В решении судьи указывается, что с этого времени эта земля — собственность Али-паши (21, с. 84—85).

В 1668 г. житель деревни Бахши Кары Нильмаджи продал некоему Коккоз-Аталыку луговую землю за 60 золотых и «горсть» акчей. В решении судьи говорится, что впредь эта земля составляет собственность Коккоз-Аталыка и «нусть он владеет и рас-

поряжается ею, как ему заблагорассудится» (21, с. 82).

Встречаются случаи, когда земля, принадлежащая одному лицу, продается частями нескольким лицам (21, с. 78).

Все вышеприведенные факты — свидетельство наличия в Крыму в XVII в. относительно развитой формы частной собственности на землю.

Имеющиеся в нашем распоряжении источники говорят, что в Крыму уже с XVI в. существовали более или менее развитые феодальные отношения. Крупнейшим феодальным собственником в Крымском ханстве был сам хан. Земельные владения хана, известные под именем «ерз мирие», состояли из: соляных озер, лесов по течению рек Альмы, Качи и Салгира, пустопорожных земель в различных районах Крыма. Вместе с соляными озерами в ханский домен входили и деревни, которые находились на землях, прилегающих к тому или иному озеру. В состав ханских владений включались также деревни, расположенные в лесных массивах, принадлежавших хану (7, с. 71—73).

Наконец, ханский домен включал значительное количество обработанных земель: пашни, луга, сады, которые в документах именуются ханскими. Ф. Ф. Лашков считал, что исследователю трудно установить, какие из них составляют государственную собственность, какие частную, принадлежащую лично хану, ибо смешение двух начал — государственного и частного, пронизывающее весь строй Крымского ханства, — дает о себе знать и в области землевладения (7, с. 74).

Будучи верховным собственником значительных земель, хан имел возможность жаловать из своего фонда земельные владения своим приближенным.

Пожалования ханами земель с пашнями, сенокосами, садами и т. д. являются одним из показателей развития и укрепления в Крыму феодального способа производства. Такие грамоты уже встречаются в первой половине XVI в. В 1530 г. хан Саадет-Гирей (сын Менгли-Гирей) пожаловал некоему Ибрагиму Эфендию землю с тем, чтобы «...он овладел названной землей, сеял и обрабатывал ее без всякого препятствия» (в ханской грамоте — ярлыке указывается граница пожалованной земли) (19, с. 85).

В 1549 г. хан Газы-Сахиб-Гирей пожаловал землю с колодезем некоему Ак-Кучук-бею (19, с. 86).

* За ян — мера земли, равная 3 десятинам (малый зан) или 5 десятинам (большой зан).

В 1550 г. некий Урус-оглу-Гутан оглап обратился к хану Гази-Сахиб-Гирею с просьбой пожаловать ему земли при урочище Допузлав. Хан пожаловал просимые земли в вечное и потомственное владение Урусу (19, с. 86—87).

В 1576 г. некий Тан Атмыш, которого хан Девлет-Гирей называет своим слугой, обвел бороздой землю и просил хана выдать па эту землю «мюльк-нааме», т. е. грамоту, жалующую землю в полную собственность. Хан выполнил эту просьбу (19, № 22, с. 91).

Право отдельных лиц на владение пожалованной землей по истечении определенного времени, судя по источникам, как и в других средневековых государствах, нуждалось в подтверждении со стороны верховных собственников земли, каким в Крымском ханстве был сам хан. Это явление можно проследить по некоторым ханским ярлыкам. В 1578 г. эмиры Мелек паша-оглау и Эш Мамбед-оглау, владевшие по наследству «от предков» землями вместе с находящимися на них родниками, колодцами, сенокосами и хлебопахотными землями, фруктовыми садами и другими угодьями и мельницами, обратились к хану Мухаммед-Гирею с просьбой утвердить их в этих землях и выдать им так называемый «мюльк-нааме». Хан, как это видно из ярлыка, внял этой просьбе и после «подведения лошади» выдал ярлык с алой тамгой и синей печатью и повелел, чтобы «названные выше эмиры... вместе со своим родом владели пожалованной землей спокойно и беспрепятственно» (19, с. 88).

В 1597 г. хан Гази-Гирей подтвердил (видимо, по соответствующей просьбе) ярлык своего деда Сахиб-Гирея на владение Гамазав-бейми землей со многими пресными колодцами (19, с. 89).

В 1662 г. хан Мухаммед-Гирей подтвердил пожалование земли, сделанное предками некоего «достопочтенного и высокопоставленного» Субхане-Гази-Аги, и выдал ему «мюльк-нааме» (19, с. 91).

Кроме крымского хана, жалованные грамоты на владение землей в Крыму выдавали и турецкие султаны, которые с 1475 г. являлись сюзеренами крымских ханов и владели южным и восточным побережьями Крыма и горными районами полуострова. В состав домена турецкого султана входило 4 города и 111 деревень (8, с. 41—42). Султан практиковал раздачу земель из своего

домена главным образом в виде военного бенефиция («зиаммет»). Такие бенефиции могли в отдельных случаях переходить по наследству (8, с. 41).

В фирмане султана Мухаммеда IV от 1672 г. земли Южного берега Крыма были пожалованы в пользование некоему Субхан Газы-Аге. В фирмане называются следующие деревни: Черкес-Кермен, Мангуч, Камара, Каралез, Шули, Ризе, Муха, Сыкускумья. Как видно, жаловались не деревни, а только право собирать с их жителей определенные денежные сборы. В фирмане точно указывается, с каких деревень, сколько акчей* может собирать Субхан Газы-Ага (2, с. 100). В фирмане султана Мустафы от 1757 г. закрепляются за цеским Ислямом, служившим при хане Менгли-Гирее, деревни Корбеклы и Алушта. При этом Ислям обязывается, как и раньше, уплачивать в казну султана 200 гурушев** (19, с. 102).

В фирмане султана Мустафы от 1757 г. указывается, что султан по представлению Крымского хана жалует Агметше Ширину деревни Дегерменкой и Кизильташ, с тем, чтобы Агметша Ширин ежегодно уплачивал в пользу султана 10 500 акча (20, с. 120).

Из приведенных документов можно сделать заключение, что земельные пожалования турецкого султана в Крым носили довольно своеобразный характер. Жаловалась или известная часть доходов, получаемая с тех или иных деревень, находящихся под властью султана, или земля, точнее говоря деревня или деревни, с условием уплаты в султанскую казну точно определенной денежной суммы.

Одной из интересных особенностей социально-экономических и политических отношений в Крымском ханстве было сохранение некоторых форм родового строя, которые по мере феодализации Крымского ханства приобретали новое феодальное содержание. Дело в том, что в XVII в. и даже в XVIII в. крымские татары продолжали еще делиться на роды, во главе которых стояли бейи (17, с. 131).

Нам известны бейские фамилии, игравшие большую роль в политической жизни Крымского ханства. Это Ширины, Мансурь, Барыны, Сиджиуты, Аргины, Яшлавь. Каждый

* Акча — мелкая медная монета в Крымском ханстве, равная $\frac{1}{4}$ русской копейки.

** Гуруш, или тгуруш, — мелкая серебряная монета в Крымском ханстве.

бей владел определенной территорией, на которой находилось значительное количество деревень. Такая территория называлась бейликом (20, с. 79—80).

Бей считались главами родов, но фактически они были крупными феодалами, владевшими большими землями и обладавшими немалой политической властью над всем населением бейлика.

От обычных феодалов крымскотатарские бей отличались тем, что это звание переходило не от отца к старшему сыну, а к старшему в роде. В этом прежде всего сказывалось влияние патриархальных форм родового быта (7, с. 83—84).

Бей составляли высший слой татарских феодалов. В своих бейликах они обладали определенными иммунитетными правами: творили суд и расправу над подвластным им населением (17, 132).

Нижний слой крымских феодалов составляли мурзы. По мнению Ф. Ф. Лашкова, мурзы — это прежде всего разбогатевшие члены бейского рода и лица, пожалованные ханом землей за службу (7, с. 84, 91—92).

Источники показывают, что некоторые пожалованные землями владельцы передавали их по наследству и даже дарили другим лицам (7, с. 93—94).

О размерах феодального землевладения в Крымском ханстве можно судить по завещаниям. Некоторые из таких владений были довольно крупными. Так, например, владения уже упоминаемого нами в другой связи Ахмета-Аги (1681 г.) состояли из 36 участков пахотной земли разной ценности, трех виноградников, пяти фруктовых садов, восьми чаиров (чаир — лес с фруктовыми деревьями и сенокосом), огородов, бахчи, загонов для овец, мельницы, жилых домов и т. д. Общая ценность недвижимого имущества Ахмета-Аги составляла 9900 гуршей (7, с. 93—94).

Во владения Аджи Али-Аги (1717 г.) входила усадьба, состоящая из различных жилых построек с подвалом, амбаром, кухней, баней, конюшней, гостиним домом со смежным фруктовым садом, мельница о трех поставах с сукновальней и землей при ней, чаиром и фруктовым садом и с большим количеством земельных участков разной ценности, используемых под фруктовыми садами, чаирами, купленными владельцем у разных лиц (7, с. 93—94).

В раздельном акте указываются размеры

только некоторых земельных владений Аджи Али-Аги. По нашим подсчетам, они в общей сложности составляли 166 зан. Если даже принять минимальный размер зана в три десятины, то оказывается, что эта земля составляла около 500 десятин. Кроме того, в собственности Аджи Али-Аги находилось 14 лавок и 5 погребов, точное назначение которых определить трудно (21, с. 129—130).

Владения некоего Сеид-Газы (1718 г.) включали усадьбу на реке Альма, состоящую из значительного количества хлебопашной и пастбищной земли, трех участков зуга, виноградника, чаира, гостиного дома, мельницы о четырех поставах с примыкающим к ней фруктовым садом, кишлы для крупного рогатого скота, кишлы для овец и т. д. (21, с. 130—131).

Владения Ислям-Аги (1777 г.) состояли из экономии со всеми находящимися при ней домами, двумя амбарами, колодцами, гостиним двором, двумя фруктовыми садами, мельницей о двух поставах с примыкающим к ней садом, мельницей о трех поставах с примыкающими к ней двумя участками земли под фруктовым садом и очень большим количеством различных участков хлебопашотной земли, один из которых составлял 200 занов, т. е. не менее 600 десятин земли (21, с. 132—133).

Земля татарских феодалов обрабатывалась сначала рабами. Мартин Броневский (XVI в.) отмечал, что многие знатные татары «...имеют свои поля, обрабатываемые пленными венгерцами, русскими, валахами или молдаванами, которых у них очень много и с которыми они обращаются как со скотом» (26, с. 357).

Об использовании татарами в сельском хозяйстве невольников говорит и Тунманн (1, с. 25). Но постепенно в связи с сокращением числа удачных военных походов труд рабов вытесняется трудом формально свободных, но фактически феодально зависимых крестьян. С. В. Бахрушин полагал, что в XVIII в. в хозяйстве татарских феодалов преобладал труд вольвоотпущенников и лично свободных крестьян, обязанных платить владельцу земли десятину с хлеба и нести барщину (11, с. 40).

О размерах феодальной ренты в Крымском ханстве мы можем судить до известной степени, с одной стороны, по ханским ярлыкам XVII—XVIII вв., а с другой — по обы-

чаем, которые сохранились во взаимоотношениях между татарскими феодалами и крестьянами после присоединения Крыма к России. В одном из распоряжений хана Шагин-Гирея (1778 г.) жителям деревни Алсу (населенной христианами) говорится, что так как они живут на земле Махмуд мураы и пользуются разными угодьями, то обязаны давать владельцу десятую часть от каждого посева и доставлять от каждого семь дней в году (19, с. 110).

Все эти факты свидетельствуют, что у крымских татар с XVI в. довольно интенсивно развивались наряду со скотоводством зерновое хозяйство, садоводство, огородничество и, в какой-то степени, виноградарство. В XVIII в. подавляющее большинство крымских татар вело оседлый образ жизни. В Крымском ханстве в течение XVI—XVIII вв. окончательно оформляются феодальные отношения, в которых сохраняются реликты родо-племенного строя.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тунманн. Крымское ханство. Симферополь, 1936.
2. Харгахай Ф. Исторические судьбы крымских татар // Вестник Европы. 1866, июнь. 1867, июнь.
3. Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII в. СПб., 1887.
4. Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты в XVIII в. Одесса, 1889.
5. Лашков Ф. Ф. Исторический очерк крымско-татарского землевладения // ИТУАК. 1894. № 21.
6. Лашков Ф. Ф. Исторический очерк крымско-татарского землевладения // ИТУАК. 1895. № 22.
7. Лашков Ф. Ф. Исторический очерк крымско-татарского землевладения // ИТУАК. 1895. № 23.
8. Лашков Ф. Ф. Исторический очерк крымско-татарского землевладения // ИТУАК. 1896. № 24.
9. Лашков Ф. Ф. Исторический очерк крымско-татарского землевладения // ИТУАК. 1896. № 25.
10. Вишняевский В. А. Феодализм в Крымском ханстве. М., 1930.
11. Бахрушин С. В. Основные моменты истории Крымского ханства // История в школе. 1936. № 3.
12. Сыроечковский В. Е. Мухамед-Герай и его вассалы // Уч. зап. Московск. ун-та. 1940. Вып. 61.
13. Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М., 1948.
14. Смирнов Н. А. Россия и Турция в XVI—XVII вв. М., 1948. Т. I—II.
15. Базилович К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства. М., 1952.
16. Греков И. Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы. М., 1963.
17. Якобсон А. Л. Средневековый Крым. М., Л., 1964.
18. Сапин Г. А. Отношения России, Украины с Крымским ханством в середине XVII в. М., 1987.
19. Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения // ИТУАК. 1895. № 22.
20. Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения // ИТУАК. 1895. № 23.
21. Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения // ИТУАК. 1896. № 24.
22. Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения // ИТУАК. 1896. № 25.
23. Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения // ИТУАК. 1896. № 26.
24. Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси // Киев: 1890. Вып. 1.
25. Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московских делах. СПб., 1908.
26. Броневский Мартин. Описание Крыма // ЗООИД. 1867. Т. VI.
27. Жан де-Люк. Описание татар: перекопских и ногайских // ЗООИД. Т. XI.
28. Дортелли Д'Асколи. Описание Черного моря и Татарии (1634) // ЗООИД. 1902. Т. XXIV.
29. Выписка из путевых записок Василия Зуева, касающихся до полуострова Крыма. 1782 // Месяцеслов исторический и географический на 1783 год. СПб. 1783.— С. 125—126.
30. Камеральное описание Крыма // ИТУАК. № 2.
31. Камеральное описание Крыма // ИТУАК. № 4.
32. Камеральное описание Крыма // ИТУАК. № 6.
33. Крымский областной государственный архив. Ф. 26. оц. 1, д. 2007.